

И. В. Ершова^{ab}

ORCID: 0000-0001-7319-2945

✉ i.v.ershova@list.ru

^a *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

^b *Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)*

«НЕСЛЫХАННАЯ ПРОСТОТА», ИЛИ КАК ПЕРЕВОДИТЬ ДРЕВНЮЮ ЛИТЕРАТУРУ?

Аннотация. В статье идет речь о целях и критериях современных переводов/перепереводов древних текстов. На сегодняшний день важнейшей задачей является необходимость заполнить лакуны нашего представления о чужой культуре (не переведенных либо по идеологическим причинам, либо в силу недостаточного знакомства с текстами оригиналов), а соответственно — создать перевод, максимально адекватный оригиналу, передающий главное — поэтику и особенности «чужого текста» с учетом времени, пространства и культурной стадильности. Речь идет о средневековых текстах, причем прежде всего о текстах, обладающих одной общей чертой или коммуникативной задачей, — они созданы либо на вульгарной латыни, либо на романских языках для массового потребления в XII–XIII вв. Рассуждения о переводах старых памятников Б. И. Ярхо и С. С. Аверинцева позволяют считать одним из показателей необычности этих текстов их особого рода «простоту», понимаемую не как оценочный эпитет, но как свойство поэтики, а материалом для ее исследования и демонстрации этой простоты становятся фрагменты переводов Б. И. Ярхо и Ю. Б. Корнеева «Песни о моем Сиде», а также переводы из «Золотой легенды» Якова Ворагинского, сделанные И. И. Аникьевым и И. В. Кувшинской и М. Л. Гаспаровым.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: перевод, Средние века, С. С. Аверинцев, Б. И. Ярхо, М. Л. Гаспаров, эпос, жития святых, устность/письменность

Для цитирования: Ершова И. В. «Неслыханная простота», или Как переводить древнюю литературу? // Шаги/Steps. Т. 6. № 3. 2020. С. 93–105. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-93-105.

*Статья поступила в редакцию 18 апреля 2020 г.
Принято к печати 12 мая 2020 г.*

I. V. Ershova^{ab}

ORCID: 0000-0001-7319-2945

✉ i.v.ershova@list.ru

^a *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)*

^b *A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*

“UNIMAGINABLE SIMPLICITY”, OR HOW SHALL ANCIENT LITERATURE BE TRANSLATED?

Abstract. The article discusses the purposes and the criteria of modern translations / re-translations of ancient texts. Currently the most urgent task is to fill in the gaps in our vision of other people’s culture (untranslated due to either ideological restraints, or to a lack of familiarity with the original texts) and, therefore, to create a maximally adequate translation that conveys the substance — the poetics and the specific features of the “foreign text”, taking into account time, space, and cultural stadialism. The article deals with medieval texts: primarily texts possessing one common feature or communicative task — they were written for public consumption in the 12th–13th century in either vulgar Latin or in one of the Romance languages. The insights of B. I. Yarkho and S. S. Averintsev into translation of ancient literary monuments make it possible to regard the special “simplicity” of these texts as one of the markers of their peculiarity, provided this “simplicity” is understood as an attribute of poetics rather than an evaluative epithet. The material for its study and demonstration includes fragments of translations of *El cantar de mio Cid* made by B. I. Yarkho and Yu. B. Korneev, as well as the translations from the *Legenda Aurea* by Jacob of Voragine made by I. I. Anik’ev, I. V. Kuvshinskaia and M. L. Gasparov.

Keywords: translation, Middle Ages, S. S. Averintsev, B. I. Yarkho, M. L. Gasparov, epic, hagiography, orality/literacy

To cite this article: Ershova, I. V. (2020). “Unimaginable simplicity”, or How shall ancient literature be translated? *Shagi / Steps*, 6(3), 93–105. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-93-105.

Received April 18, 2020

Accepted May 12, 2020

На каждом этапе развития национальной культуры перевод иноязычных памятников выполняет разные функции: когда-то помогает создать собственную словесность, заимствуя целые пласты более развитой и продвинутой литературы, и в этот момент он, как правило, максимально свободен и повсюду скорее обозначается понятием *переложение*, нежели *перевод* в узком смысле; когда-то становится необходимым, чтобы сформировать свой литературный язык, увеличить его лексический запас, сформировать новые пласты идей, образов и смыслов. Что является целью переводов средневековой классики на сегодняшний день? Как кажется, если говорить о новых переводах/перепереводах древних текстов, — это прежде всего необходимость восполнить лакуны нашего представления о чужой культуре, а соответственно, создать перевод, максимально адекватный оригиналу, передающий главное — поэтику и особенности «чужого текста» с учетом времени, пространства и культурной стадиальности, т. е., пользуясь словами М. Л. Гаспарова, следует «переводить то, что действительно сказано в текстах их произведений» (из «Лирики вагантов» [Гаспаров 1975: 520]).

В нашей статье речь пойдет о текстах европейского Средневековья, причем в первую очередь о текстах, обладающих одной общей чертой или коммуникативной задачей: они созданы либо на вульгарной латыни, либо на романских языках для массового потребления в XII–XIII вв. То есть речь пойдет о том времени, когда латинский язык максимально упрощается (преимущественно в прозе) и усредняется, а народные романские языки находятся еще в стадии становления. В данном случае необходимо учитывать и жанровую поэтику текстов: первыми памятниками литературы на этих народных языках стали эпические песни, фольклорная поэзия, проповеди, жития, хроники — все, что в максимально простой и доступной форме обращено к самому широкому слушателю (реальное и преимущественное бытование многих из этих жанров — устное, в том числе и тех, что были созданы на латинском для последующего устного изложения на народных языках, как, например, проповеди и жития). Даже каждый капитул хроникальных компендиумов зачастую сопровождается фразами «как вы услышите дальше», «как вы слышали прежде», что отчетливо говорит нам о той форме, в который он представляется аудитории.

Отправной точкой для наших рассуждений стало замечание С. С. Аверинцева из заметки «Два слова о том, до чего же трудно переводить библейскую поэзию»: «Когда мы переходим от русских и церковно-славянских текстов Библии, что у нас на слуху, и от тех греческих оборотов Септуагинты, к которым восходят предлагаемые ими решения, и от привычных из западной словесности латинских библеизмов к древнееврейскому оригиналу, нас потрясает прямота выражения: такая прямота, при которой каждый раз выбирается поистине кратчайший путь от реальности к слову и от слова к сердцу. В сравнении с этой прямоотой любое самое прекрасное переложение покажется искусственным и декоративным: торжественность вместо первозданности и благочестие вместо самой святости. А там слова всё больше краткие, никакого “плетения словес”, сплетания корней (так удающегося, признаться, по-гречески и по-славянски); ритм свободный, но отчетливый и сжатый — тонический отсчет ударений, чаще всего по три. Естественный, как дыхание, речитативный рас-

пев» [Аверинцев 1998: 94]. Аверинцев оговаривает специально, что он имеет в виду прежде всего «энергию речи и облик слова», даже не смысловые различия, хотя в своих примерах он в конечном счете показывает и смысловые сдвиги от древнееврейской Библии до греческой Септуагинты, легшей в основу славянского перевода. Вот один из его примеров: евр. *Шаддай* — греч. Παντοκράτωρ — синод. *Вседержитель*, а точнее было бы *Крепкий*. Помимо более адекватного звучания, Аверинцев отмечает и значимое отсутствие концепта «всё», придающего имени смысл богословского понятия. В слове *крепкий* важна сама идея мощи, это, как отмечает Аверинцев: «Не рефлексия, не дискурс — первичный опыт, лежащий в основе любого богословствования» [Там же]. На самом деле можно было бы сказать, что *Крепкий* звучит проще, сдержанней, но и энергичней.

При этом «простой» — понятие для средневековой христианской словесности само по себе концептуальное, в том числе для такого, казалось бы, изощренного жанра, как проповедь или житие. Простота — свойство отнюдь не всеобщее; скажем, тот же средневековый рыцарский роман или латинская поэзия часто делали «плетение словес» или «сплетение цитат» во многом основой своей поэтики. При этом своего рода «простота» (понимаемая как «ясность») есть и там — она, например, содержится в прямоте используемых цитат, в клишированности стиля и в устойчивых риторических формулах.

Очень точным оказывается слово, которое использует переводчик, филолог-медиевист Б. И. Ярхо: целью и задачей перевода старого текста является передать его необычность. Ярхо писал: «Для ученого-исследователя эта точка определена заранее: он оценивает необычность по сравнению с простой коммуникативной речью той среды и эпохи, в которой возникло исследуемое произведение» [Ярхо 2006: 72]. Переводчику важно увидеть необычность текста в его собственной лингвистической и литературной ситуации, а также по возможности передать его необычность для читателя чужой культуры и другого времени.

Необычным может быть разное. На наш взгляд, одним из показателей необычности текстов, о которых пойдет речь, становится особого рода «простота», понимаемая как свойство жанровой и стилистической поэтики. Нам уже приходилось писать о специфике переводов древних испанских романсов [Ершова 2014]. Две основные ошибки многих переводов — метрические вольности и избыточная эмоциональная изукрашенность — разрушают именно жанровую природу романса, особую «простоту» романсного стиха, основными чертами поэтики которого является а) отсутствие эпитетов, б) обилие формул, в) ассонансная рифма (глаголы и глагольные формы), часто считаемая примитивной и грубой, а на самом деле являющаяся приметой фольклорного, долитературного стиха, г) полное отсутствие стилистической орнаментальности и лексически выраженного драматизма. Архаизация текста в русских переводах романсов чаще всего избыточна, а подобрать стилистический аналог очень сложно. Но надо заметить, что даже ранний XIX век с его установкой скорее на переложение, нежели на перевод, вполне различает «простоту» языка испанского народного романса (достаточно вспомнить оценку переводов П. А. Катенина А. С. Пушкиным). Напомним, что избыточные с точки зрения лексики и далекие от оригинала по стилистике и метрической структуре пере-

воды В. А. Жуковского выполняли совершенно иную культурную задачу — задачу переноса на русскую почву балладного жанра и внесения романтических сюжетов и мотивов в русскую повествовательную поэзию.

Одна их самых сложных задач в переводе и очень необходимом перепеводе средневековых памятников — это перевод эпических текстов и передача их особой «примитивности» и неотшлифованности, а особенно их формульности. Прежде всего это касается романского эпоса — старофранцузского и старокастильского. Обе «песни о деяниях» переведены в русской традиции и прозой, и стихами; среди них — переводы обеих поэм Б. И. Ярхо (его перевод «Песни о моем Сиде», изданный в серии «Литературные памятники», подввергся, правда, значительной правке Ю. Б. Корнеева), и отдельный перевод Ю. Б. Корнеева в томе «Библиотеки всемирной литературы».

Оба перевода Ярхо были сделаны во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х годов (видимо, не позднее 1934 г.)¹. Ярхо перевел «Песнь о Роланде» и «Песнь о Сиде», параллельно занимаясь статистическим изучением их поэтики. Необычность обеих песен Ярхо видел в их особой метрической структуре (романский эпический стих, по его мнению, звучит почти как проза) и в цезуре, причем в «Роланде» — из-за более твердой формы лессы — цезура, по мнению ученого, была не так четко выдержана, а вот в «Сиде» выдержана отлично. С главным же тезисом Ярхо — определением стиха «Сида» как целиком тонического — можно поспорить². Если перевод «Песни о Роланде» был опубликован целиком, то перевод испанского эпоса — лишь во фрагментах в ранних изданиях хрестоматии по средневековой литературе Р. О. Шор и Б. И. Пуришева. Перевод «Сида» в «Литературных памятниках» был основательно исправлен. Как пишет В. С. Полилова, правка Ю. Б. Корнеева «заключалась в замене всех старинных, редких, ставших неупотребительными и непонятными оборотов речи, — славянизмов, архаизмов, терминов профессионального или сугубо книжного языка и т. д. — и модернизации имен собственных. Это замены по принципу: воссядем — сядем, длани — руки, десница — правая рука, супостаты — враги, скуфейка — шапка, стяг — флаг, сулица — копьё и т. д.» [Полилова 2012: 163]³. Сам Ярхо о своем переводе испанского эпоса писал так: «Прежде всего, мы старались передать простоту языка, избегая патетических, высокопарных выражений и славянизмов (кроме самых обычных, вроде “град”); архаизмы мы старались применять только при передаче реалий (бармица, топор, свита). Не всегда удалось сохранить

¹ См. обстоятельную в фактическом плане диссертацию [Полилова 2012]; перевод Б. И. Ярхо изучен исследовательницей по архивным материалам. См. также: [Акимова 2017].

² Так, наиболее авторитетный издатель «Песни о моем Сиде» А. Монтанер Фрутос, опираясь на расчеты С. Ф. Гончаренко, полагает, что стих испанского эпоса следует считать силлабо-тоническим [Montaner Frutos 2011: 384].

³ В. С. Полилова в своей диссертации делает вывод: «Примерно 30% строк перевода Ярхо подверглись редактуре, в результате чего были последовательно стерты следы творческой манеры переводчика. Ведь перечисленные черты — следствие сознательной установки Ярхо на архаизацию и отдаление текста от читателя» [Полилова 2012: 163]. Заметим, сам Ярхо, что видно из его слов в приведенной выше цитате, вряд ли имел установку на архаизацию, он использовал архаизмы только для средневековых реалий, скорее полагая, что они как раз принадлежат тому кругу обиходных понятий, которые по большей части вышли из употребления, а потому требуют соответствующей устаревшей лексики.

бедность языка; ритм и рифма заставляют разнообразить выражения: “меч” рядом с менее пагетическим словом “шпага”, “отменный” рядом с “добрый” (<...> однако, мы избегали слишком большого разнообразия» (РГАЛИ. Ф. 2186. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 40. Цит. по: [Полилова 2012: 153]). Стоит обратить внимание на слова, которыми Ярхо описывает язык песни: *простой* и *бедный*. Действительно, язык «Песни о Сиде» правильнее было бы назвать скудным, но источник этой скудости не только начальная стадия складывания романского языка, но и особенности поэтики эпоса, в частности — использование традиционных формул и повторов, которые в русских переводах страдают больше всего. Например, слова вроде *bueno* ‘добрый’, *complido* ‘отменный’, *malo* ‘дурной, злой’, *grande* ‘великий, большой’, применяемые буквально ко всему.

«Простота и бедность» эпического романского стиха, о которых идет речь в рассуждениях Ярхо, это:

1) скудный лексический состав (частью из-за начальной стадии формирования романского языка, а частью из-за формульности);

2) собственно, формульность эпического языка (она не только проводит систему мотивов, но прежде всего облегчает процесс создания текста);

3) устойчивый и ограниченный набор эпических эпитетов (*bueno*, *malo*, *grande*, *poco* и т. д.);

4) практическое отсутствие метафор, сравнений, всего того, что Ярхо именуется «фигурностью»;

5) особая структура фразы без анжамбеманов (смысловая завершенность строки, совпадающая с ее синтаксической завершенностью).

Чтобы понять, насколько внимательны оказались переводчики к особенностям эпической поэтики, взглянем на переводы Б. И. Ярхо (с минимальной правкой Р. О. Шор из хрестоматии 1953 г.) и Ю. Б. Корнеева. Оставив споры и полемику, а также оценку обоих переводов (избыточное пристрастие Ярхо к устаревшим наименованиям или отмеченное еще А. Я. Гуревичем небрежение Корнеева реалиями средневековой жизни и мышления), взглянем лишь на один фрагмент, из которого видно, что простота и наивность слога памятника суть части его поэтики, и пренебрежение ими создает текст иных поэтических особенностей. Для начала предложим фрагмент оригинала и подстрочник.

Ya lo vee el Çid que del rey non avie graçia.
Partios de la puerta, por Burgos agujjava,
llegó a Santa Maria, luego descavalga,
fincó los inojos, de coraçon rogava.
La oraçion fecha luego cavalgava;
salio por la puerta e en Arlançon pasava,
cabo essa villa en la glera posava,
fincava la tienda e luego descavalgava.
Mio Cid Ruy Díaz, el que en buen ora
cinxo espada,
posó en la glera cuando no-! cogee nadi en casa,
derredor d'él una buena conpañia;
assí posó mio Cid commo si fuesse en montaña.

Вот видит мой Сид, нет от короля милости,
Отъехал от ворот, по Бургосу поскакал,
К святой Марии подъехал, спешивается после,
Преклонил колени, от сердца помолился,
Молитву исполнив, коня оседлал после,
Въехал в ворота и Арлансон проехал,
Рядом с тем городом на отмели встал,
Раскинул палатку и спешился после.
Мой Сид Руй Диас в добрый час мечом
опоясался,
Встал на отмели, ведь никто его не принял,
Вокруг него — добрая дружина,
Так встал Сид, словно он в диком месте.

[vv. 50–61]

Основная часть этого фрагмента (примерно 95%) занята формулами и формульными выражениями, в том числе формулами, повторяющимися неоднократно не только в масштабе всей поэмы, но и в масштабе этих одиннадцати строк (выделено разрядкой). Формулы в «Сиде», как правило, охватывают полустушие и разнятся формой в зависимости от того, в первом или втором полустушии они стоят: *en la glera posava* — 2-е полустушие / *posó en la glera* — 1-е полустушие; в каком полустушии — зависит от глагольной формы, которая подстраивается под требуемый в данной тираде ассонанс. Надо также заметить, в этом зачаточном типе стиха все подобие рифмы создается преимущественно глагольными формами — это самый простой и экономный способ. Вместе с тем роль глаголов отнюдь не исчерпывается этим. Глаголы создают особый резкий ритм и слог «Песни»: это очень скупой, сжатый стих, который словно бы сам находится в постоянном движении; редкое полустушие обходится без глагола, многократно усиливающего динамику рассказа о военных деяниях героя. Надо также заметить, что в старокастильском одни и те же слова используются во многих значениях, тем самым их семантика как бы спрямляется; синонимические ряды в старокастильском XII в. еще чрезвычайно коротки; соответственно, формулы образованы одним и теми же словами, и тавтология не является сколько-нибудь релевантной характеристикой для эпического языка, хотя переводчики часто стремятся его всячески разнообразить.

Посмотрим теперь на оба перевода.

Видит Сид: от короля пощады ему нету.
Повернул от ворот, по Бургосу поехал.
У церкви святой Марии *сошел он на землю*,
Колени склонил, помолился от сердца.
Молитву окончив, *поскакал он, не медля*,
Вышел из ворот, Арлансон пересек он,
Против самого города *стал станом на щебне*.
Поставил шатер *и сошел он на землю*.
Мой Сид Руй Диас, — в добрый час он меч привесил,
На щебне стоит — раз закрыты все двери;
Вокруг себя видит дружинников верных.
Лагерь он раскинул, как в пустынном ущелье.
(Пер. Б. И. Ярхо [1953: 442])

Видит мой Сид: король беспощаден.
Поехал он через Бургос обратно,
До церкви святой Марии добрался,
Колени склонил, помолился жарко,
Кончил молитву и снова на конь.
За Арлансоном, город оставив,
У самых ворот *стал станом на камнях*,
Шатер раскинул и спрыгнул наземь.
Мой Сид — в час добрый надел он шпагу! —
Стал станом на камнях, раз крова лишают.
Вокруг он видит верных вассалов,
Но словно в горах разбит его лагерь...
(Пер. Ю. Б. Корнеева [1976: 261])

Ярхо не придавал формульности «Сида» того значения, которое очевидно сейчас, однако, описывая стиль поэмы, отмечал, что «картина бедности будет еще разительнее, если мы примем во внимание, что одно и то же фигурированное выражение повторяется по нескольку раз» ([РГАЛИ. Ф. 2186. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 33], цит. по: [Полилова 2012: 151]). Характерно, что сохранение формул передает и преобладающую глагольность, энергию и строгость языка песни. Ярхо воспроизводит обе повторяющиеся формулы (*luego descavalga; posó en la glera*); очень внимательно выдерживает систему двух полустиший, тогда как в переводе Корнеева видны синтаксические нарушения: он оставляет только одну формулу, не замечая другой, повторяющейся дважды, и по крайней мере трижды на одиннадцати строках сбивает жесткость полустиший и убирает глагольные формы, явные или подразумеваемые (см. подчеркнутые строки во втором примере на с. 99). Особенно это касается строк 51–52 («Partios de la puerta, por Burgos aguijava, / Llegó a Santa Maria, luego descavalga»), где Корнеев убирает две из четырех глагольных форм на четыре полустишия, тогда как Ярхо хотя и теряет один глагол, все же сохраняет ритмическую структуру и выраженность цезуры. В отличие от Корнеева, Ярхо видел и метрическую структуру песни, и ее семантику, и наличие формул гораздо четче.

Неискушенность и простота стиля могут быть признаком несовершенной повествовательной техники и несформировавшегося литературного языка, но могут являться осознанным стилистическим приемом автора⁴, его способом создать искреннюю и необработанную речь, передать впечатление разворачивающегося на глазах слушателя рассказа. Такова, например, стилизованная речь житий, загробных видений, проповедей. Так, специфические особенности поэтики и стиля агиографии, примера, хроникального рассказа или сагового повествования проявляется:

- 1) в повествовательной простоте (простое развертывание сюжета, последовательное сцепление эпизодов, отсутствие описательности);
- 2) в нарочито усредненной лексике;
- 3) в прямом синтаксисе, минимуме инверсий и тропов;
- 4) в клишированном языке (характеристики персонажей, однотипные действия, описания).

Небрежение такого рода деталями, возможно, не исказит смысла, но не передаст «необычность» старого текста, его особой поэтики и стилистики.

Приведу пример с переводом еще одного текста. Он касается такой разительной приметы старого текста, как начальные *и, ну и, вот и, так же, же* в латинском и в народных языках. Довольно часто переводчики (не медиевисты) стремятся избежать этих союзов и частиц, нередко полагая их тавтологичными, ненужными, лишними. На самом деле эти частицы / союзы-связки чрезвычайно значимы по своим функциям. С одной стороны, различные сочинительные союзы в значении причины и следствия сце-

⁴ Как и в случае с Иаковом Ворагинским: «“Золотая легенда” вписывается в средневековую традицию так называемых сокращенных легендариев, т. е. сборников житий святых, написанных на латыни и предназначенных для проповедников. Авторы-компиляторы таких сборников использовали множество источников, значительно упрощая их, исключая богословские рассуждения, отсекая “лишние” детали, облегчая язык» [Топорова 2015: 48].

плюют предложения в своего рода сюжетные блоки, простейшим образом подчеркивая как причинно-следственную связь событий между собой, так и содержательную целость повествовательного отрезка текста. С другой стороны, этот простейший способ связи должен в переводе создать впечатление простой, почти разговорной речи, помочь обрести тексту оттенок рассказываемого. Напомню, что все эти жанры имели общую коммуникативную задачу — их зачитывали или рассказывали вслух. При этом союз-связка уходил, как только текст включал какую-то цитату, схолию на письменный источник или богословское рассуждение. Приведем конкретный пример из «Золотой легенды» Иакова Ворагинского — несколько строк из жития св. Иоанна Крестителя и два перевода.

Erant autem Zacharias et uxor ejus senes et absque liberis. Cum ergo Zacharias templum domini, ut incensum poneret, ingressus fuisset, et multitudo populi de foris exspectaret, apparuit ei Gabriel archangelus. Cum autem Zacharias in ejus visione timeret, ait angelus: ne timeas, Zacharia, quoniam exaudita est oratio tua (Cap. LXXXVI. De nativitate sancti Joh. Baptistae [Legenda aurea 1801: 357]).

Перевод И. И. Аникьева, И. В. Кувшинской:

Захария и жена его были стары и не имели детей. Когда Захария вошел в храм Господень, чтобы возложить фимиам на жертвенник, и множество людей ожидали снаружи, ему явился архангел Гавриил. Захария испугался при виде его, но архангел сказал ему: «Не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя!» (Лк 1:13) [Золотая легенда 2018: 10].

Перевод М. Л. Гаспарова⁵:

И были Захария и жена его стары, детей же не имели. И когда вошел Захария в храм Господень для каждения, а все множество народа ожидало его вне храма, явился ему архангел Гавриил. Захария, увидев его, утрашился, ангел же сказал ему: «Не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя!» (Лк 1:13).

Оба перевода точны, однако, как видно, в переводе М. Л. Гаспарова все соединительные связки (латинские *autem*, *cum autem*, *cum ergo*), эти характерные приметы архаического стиля, выполняющие роль стяжек и создающие впечатление живой речи, тщательно сохранены, причем переводчик демонстрирует целый арсенал таких средств: начальное *и*, частица *же*, измененный порядок слов, использование деепричастного оборота. Все это отсутствует в верном, абсолютно грамотном переводе И. И. Аникьева и И. В. Кувшинской (надо отдать должное переводчикам за колоссальный труд и подготовку долждан-

⁵ Переводы нескольких житий из «Золотой легенды», выполненный М. Л. Гаспаровым, были им великодушно предоставлены мне для подготовки курса «История средневековой литературы» в РГГУ и остаются пока не опубликованными.

ного издания «Золотой легенды» на русском языке), которые, по-видимому, убирают эти «лишние» элементы вполне намеренно, тем самым приближая текст к современному читателю и переводя его целиком в регистр письменной, ученой прозы. Казалось бы, ничего страшного: точный и аккуратный перевод важен и позволяет нам в полной мере понять, о чем говорилось в тексте жития, какая информация там заключена.

Однако особой поэтики житий Иакова Ворагинского и его личного стиля⁶ мы из этого перевода не постигнем. А вот из перевода Гаспарова — можем. Дело в том, что этому фрагменту в тексте жития предшествует сообщение о родословной Захарии со ссылкой на «Схоластическую историю» Петра Коместора, устроенное несколько иначе и стилистически, и синтаксически:

David enim rex, sicut habetur in hystoria scholastica, volens cultum Dei ampliare, XXIV summos sacerdotes instituit, quorum tamen unus major erat, qui princeps sacerdotum dicebatur. Statuit autem XV viros de Eleazar et VIII de Ytamar et secundum sortes dedit unicuique hebdomadam vicis suae, Abias auteni VIII. hebdomadam habuit, de cujus geiере Zacharias luit [Legenda aurea 1801: 357]⁷.

Здесь соединительный союз «и» (*et*) выступает в совершенно иной синтаксической роли — соединяет однородные члены предложения; есть ряд сдержанных, почти статистически-официальных формулировок, которые, очевидно, почерпнуты из ученого источника и должны просто сообщить некую необходимую информацию.

Именно за этим абзацем идет фрагмент, приведенный выше в двух переводах; его иная речевая установка выражена очень отчетливо: короткие предложения, сцепленные самым примитивным из возможных способов, очень просто излагают для всех историю удивительного происшествия, случившегося с двумя стариками после явления ангела. Эти два идущих подряд абзаца являют собой совершенно по-разному организованный тип речи. Это вообще особое свойство «Золотой легенды» — собрания житий в помощь проповеднику: сочетание текста сугубо письменного, покомментаторски многословного и сухого, хотя и упрощенного по сравнению с источником, и текста, словно бы взятого из устной традиции, — живого рассказа, повествующего слушателям интересную и увлекательную историю. Как видим, Гаспаров эту неказистую, но столь важную для восприятия и понимания средневекового текста простоту сохраняет чрезвы-

⁶ О двойственной установке Иакова Ворагинского, ориентированного «одновременно на проповедников, для которых собственно и составлялась “Легенда” как своего рода пособие, и на простых слушателей, которых надо увлечь интересными сведениями и уж затем поучать», см.: [Топорова 2015]. О нарративной структуре «Золотой легенды» см также: [Bougeau 2007].

⁷ «Когда-то царь Давид, как сказано в схоластической истории, желая расширить почитание Бога, утвердил служителей общим числом двадцать четыре, из которых один был старшим и именовался первосвященником. Так поставил он пятнадцать мужей Елеазаровых и восемь Ифамаровых и по жребию дал каждому неделю служения по очереди, так что Авия, из рода которого был Захария, получил себе восьмую неделю». — Пер. автора статьи.

чайно бережно, передавая так ценимую нами «необычность» этого древнего памятника.

Одна из важнейших проблем сегодняшней медиевистики — изучение взаимодействия и соседства устной и письменной традиций, а соответственно и характерных средств поэтики и стилистики древнего текста, которые такого рода черты помогают реконструировать и осознать. Перевод (заново или внове) древнего памятника, как важнейшая из форм интерпретации текста, должен стремиться сохранить главное, то, как этот памятник складывался, кому он предназначен и в какой форме он бытовал в культуре, — именно это в значительной мере и определяет особенности его жанровой поэтики.

Воспользовавшись цитатой из стихотворения Пастернака, вынесенной в заглавие, заметим, что передать эту «неслыханную простоту» старого текста именно как совокупность черт поэтики чрезвычайно трудно («сложное понятней им»), и она оказывается по плечу только «большим» знатокам древней литературы. К таким прекрасным переводам средневековых текстов последних лет нужно отнести изданные в серии «Литературные памятники» в переводе Елены Ароновны Гуревич «Древнеисландские пряжи» (2017), а также перевод Михаила Юрьевича Реутин «Элизабет Штагель. Житие сестер обители Тёсс (2019)».

Источники

- Золотая легенда 2018 — *Иаков Ворагинский*. Золотая легенда. Т. 2 / Пер. с лат. И. И. Аникеев, И. В. Кувшинская. М.: НО «Изд-во Францисканцев», 2018.
- Корнеев 1976 — Песнь о Сиде / Пер. Ю. Корнеева // Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М.: Худ. лит., 1976. (Б-ка всемирн. лит.). С. 258–360.
- Ярхо 1953 — Песнь о моем Сиде / Пер. Б. И. Ярхо // Хрестоматия по зарубежной литературе: [Учеб. пособие для филол. фак. гос. ун-тов и фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов]. [Т. 1]: Литература средних веков / Сост. Б. И. Пуришев, Р. О. Шор. М.: Учпедгиз, 1953. С. 439–469.
- Legenda aurea 1801 — Jacobi a Voragine Legenda aurea vulgo Historia lombardica dicta. Lipsiae: Impensis librariae Arnoldianae, 1801. P. 356–364.

Литература

- Аверинцев 1998 — *Аверинцев С. С.* Два слова о том, до чего же трудно переводить библейскую поэзию // Новый мир. 1998. № 1. С. 94–97.
- Акимова 2017 — *Акимова М. В.* Традиции изучения русского стихотворного синтаксиса: Б. И. Ярхо и М. Л. Гаспаров // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 14. 2017. С. 89–112.
- Гаспаров 1975 — *Гаспаров М. Л.* Поэзия вагантов // Поэзия вагантов / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1975. С. 421–514.
- Ершова 2014 — *Ершова И. В.* Русские переводы испанского «старого» романа: разрушение жанра // Вопросы литературы. 2014. № 3. С. 148–161.
- Полилова 2012 — *Полилова В. С.* Рецепция испанской литературы в России первой трети XX в. (К. Бальмонт, Б. Ярхо): Дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2012.

- Топорова 2015 — Топорова А. В. К вопросу о жанре «Золотой легенды» Иакова Ворагинского // Известия РАН. Сер. литературы и языка. Т. 74. № 2. 2015. С. 47–53.
- Ярхо 2006 — Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / Под общ. ред. М. И. Шапира. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Boureau 2007 — Boureau A. La légende dorée. Le système narratif de Jacques de Voragine. Paris: Les Ed. Du CERF, 2007.
- Montaner Frutos 2011 — Montaner Frutos A. El Cantar de mio Cid // Cantar de mio Cid / Red. A. Montaner Frutos. Madrid; Barcelona: Real Academia Española; Galaxia Gutenberg; Círculo de Lectores, 2011. P. 256–560.

References

- Akimova, M. V. (2017). Traditsii izucheniiia russkogo stikhotvornogo sintaksisa: B. I. Iarkho i M. L. Gasparov [Traditions of Russian verse syntax study: B. I. Yarkho and M. L. Gasparov]. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 14, 89–112. (In Russian).
- Averintsev, S. S. (1998). Dva slova o tom, do chego zhe trudno perevodit' bibleiskuiu poeziyu [A couple of words on the difficulty of translating Biblical poetry]. *Novyi mir* [New world], 1998(1), 94–97. (In Russian).
- Boureau, A. (2007). *La légende dorée. Le système narratif de Jacques de Voragine*. Paris: Les Ed. Du CERF. (In French).
- Ershova, I. V. (2014). Russkie perevody ispanskogo “starogo” romansa: razrushenie zhanra [Russian translations of Spanish ‘old’ romance: Destruction of the genre]. *Voprosy literatury* [Problems of literature], 2014(3), 148–161. (In Russian).
- Gasparov, M. L. (1975). Poeziia vagantov [Poetry of goliards]. In M. L. Gasparov (Ed.). *Poeziia vagantov* [Poetry of goliards], 421–514. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Iarkho, B. I. (2006). *Metodologiia tochnogo literaturovedeniia: Izbrannye trudy po teorii literatury* [Methodology of exact literary studies: Selected works on theory of literature] (M. I. Shapir, Ed.). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian).
- Montaner Frutos, A. (2011). El Cantar de mio Cid. In A. Montaner Frutos (Ed.). *Cantar de mio Cid*, 256–560. Madrid: Real Academia Española; Galaxia Gutenberg; Círculo de Lectores. (In Spanish).
- Polilova, V. S. (2012). *Retseptsiiia ispanskoi literatury v Rossii pervoi treti XX v. (K. Bal'mont, B. Iarkho)* [Reception of Spanish literature in Russia, first third of the 20th century]. [Unpublished Cand. Sci. (Philology) thesis]. Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
- Toporova, A. V. (2015). K voprosu o zhanre “Zolotoi legendy” Iakova Voraginskogo [On the problem of genre of the *Legenda Aurea* by Jacob of Voragine]. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in literature and languages], 74(2), 47–53. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Ирина Викторовна Ершова

*доктор филологических наук
профессор, зав. Лабораторией
историко-литературных исследований,
Школа актуальных гуманитарных
исследований, Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва,
пр-т Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
ведущий научный сотрудник,
Отдел классических европейских
литератур Запада и сравнительного
литературоведения,
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская,
д. 25а
Тел.: +7 (495) 690-50-30
✉ i.v.ershova@list.ru*

Information about the author

Irina V. Ershova

*Dr. Sci. (Philology)
Professor, Director,
Center for Studies in History and Literature,
School for Advanced Studies in the
Humanities, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow,
Prospekt Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
Leading Researcher,
Department of Classical Western Literature
and Comparative Literary Studies,
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Russia, 121069, Moscow, Povarskaya Str.,
25a
Tel.: +7 (495) 690-50-30
✉ i.v.ershova@list.ru*